

Азарий Мессерер

Я РАЗГОВАРИВАЮ С НИМИ

Azary A. Messing

Азарий Мессерер

**Я РАЗГОВАРИВАЮ
С НИМИ**

БОСТОН • 2016 • BOSTON

Азарий Мессерер *Я разговариваю с ними*

Azary Messerer *I Talk to Them*
(*Ya razgovarivaiu s nimi*)

Copyright © 2015 by Azary Messerer

All rights reserved. No part of this book may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without written permission from the copyright holder, except for the brief passages quoted for review.

ISBN 978-1-940220499 (hardcover)

ISBN 978-1-940220444 (paperback)

Library of Congress Control Number 2016905899

Published by M•GRAPHICS PUBLISHING
www.mgraphics-publishing.com
info@mgraphics-publishing.com

Cover Design by Natali Cohen © 2016
Book Design by M-Graphics Publishing

Printed in the United States of America

ОТ АВТОРА

Заглавию этой книги я обязан писательнице Дине Рубиной, отметившей в одном из своих интервью, что герои ее романов становятся для нее «живыми людьми», с которыми она мысленно разговаривает. Герои моих очерков — люди не выдуманные. С некоторыми из них я продолжаю встречаться и разговаривать по телефону, тогда как с другими личностями, бесспорно выдающимися, я встречался только в связи с интервью для радио или журналов. Но, как писал Иммануил Кант, наша готовность оценить красоту зависит от «состояния нашего ума в данный момент». Только сейчас, в преклонном возрасте, прочтя мемуарные книги и письма этих великих людей, я понимаю, как много упустил, и мысленно задаю им те вопросы, которые мог бы задать много лет назад. Наконец, третья группа героев моих очерков — это гении, принадлежащие истории. Я пытаюсь связать их творчество с событиями моей личной жизни.

Помимо очерков о людях, я поместил в эту книгу путевые впечатления от поездок в несколько стран.

Я благодарю моих близких друзей — Анатолия Розенцвейга, Бориса Певзнера, Леонида Лейтеса и недавно ушедшую от нас Беллу Лейтес, оказавших мне большую помощь в редакции, и мою дочь Алису за оформление книги.

МЕССЕРЕРЫ

«МУДРОСТЬ ОТ ТАЛАНТА» — АЗАРИЙ МЕССЕРЕР-АЗАРИН

В английском языке есть выражение *the actor's actor*, что можно перевести, как «актер актеров». Так говорят об артистах, которых высоко оценивают не только зрители, но и сами актеры, отдавая им пальму первенства. Таким актером, судя по многочисленным воспоминаниям, был мой дядя Азарий Мессерер (Азарин), в честь которого я был назван (я родился через полтора года после его смерти). Он прожил яркую, но, увы, очень короткую жизнь, те артисты, которые писали о нем с восторгом, пережили его на много лет и заслужили всенародную славу.

«Как изумительно Азарин изображал Вл. И. Немировича-Данченко!* Он произносил от лица Владимира Ивановича целые монологи по любому поводу», — вспоминала Народная артистка РСФСР Серафима Бирман. Однажды Азарин и Бирман ехали в «Стреле», на верхних полках четырехместного купе. Бирман проснулась среди ночи, и ей стало грустно. Она рискнула разбудить Азарина, но он не желал проспать. Тогда она пошла на хитрость:

«Владимир Иванович! — сказала она очень тихим голосом, — как, по-вашему, прошли гастролы в Ленинграде?»

Азарин проснулся и сел, но это был уже не он, а сам великолепный и недоступный Немирович-Данченко.

«Вы спрашиваете, как прошли ваши гастролы, — проговорил созданный Азариным Владимир Иванович, поглаживая на бритом лице вполне зримую бороду. — Я бы сказал успешно, да, хотя... нет, впрочем, нет, впрочем, да. И начался изумительный концерт».

Я нередко видел Серафиму Бирман, потому что жил одно время по соседству с нею в Газетном переулке. Она жила в крайнем доме, на углу Никитской, в который переехала в 1933 году. Это был кооператив артистов — друзей, решивших поселиться в одном доме, чтобы легко

* В этом очерке использованы материалы из книги Е. Мессерер и Н. Лейкина «Азарий Михайлович Азарин», изд. «Искусство», Москва, 1972 г., а также дневники и письма А. Азарина, Е. Мессерер и М. А. Чехова.

Серафима Бирман, Азарий Азарин
и Константин Станиславский

было общаться, особенно после спектаклей. Назвали они этот кооператив «Сверчком», потому что играли в то время в популярном спектакле «Сверчок на печи». Когда оформляли бумаги нового кооператива, чиновник из райсовета отказался записывать такое

странное название, и его долго пришлось уговаривать. Наконец, подумав, он предложил компромисс: давайте уж тогда запишем «Красный Сверчок». «Красным» Сверчок не стал, но жизнь в нем была по-актерски богемна и красочна.

Азарий со своей первой женой, актрисой Марией Циновской, жил на втором этаже этого дома, а напротив поселился его младший брат Асаф Мессерер, премьер Большого театра, с Анелью Судакевич, звездой немого кино. В том 1933 году у них родился сын Борис, ставший впоследствии знаменитым театральным художником. В этом доме жили и другие «звездные» пары: Чебан и Дурасова, Берсенев и Гиацинтова.

«Он всегда вносил с собой смех и радость, — вспоминает Софья Гиацинтова. — У каждого, кто общался с ним, наверное, сохраняются воспоминания о его „оркестре“, об его имитациях. Собственно, это были не имитации, а целая галерея созданных им образов. Он не ограничивался тем, что схватывал и изображал характерные черты человека. Его образы продолжали свою жизнь в разных непредвиденных обстоятельствах, вступали в беседу с любым собеседником. Он становился похож на своих героев не только манерами, а и лицом — это было веселое волшебство».

В детстве мы просили исполнить «Духовой оркестр» Асафа Мессерера. Асаф с удовольствием изображал военный оркестр, барабана по стеклу окна пальцами и основанием кисти одной руки, а другой, загораживая рот, как трубой, напевал губами мотивы маршей и вальсов. При этом он стоял спиной к нам, мальчишкам пяти-семи лет, так что нам страсть как хотелось проверить, действительно ли по улице шагает оркестр. Асаф, правда, признавал, что Азарин был непревзойденным в этом номере.

Дар имитатора и пародиста проявился у Азария очень рано. В младших классах гимназии он, что называется, «ел глазами» учителей, делая вид, что внимательно их слушает. На самом деле он изучал их по-

ходку, жесты, манеру говорить. Когда его вызывали, скажем, на уроке истории, он шел к доске походкой математика и отвечал, как бы его голосом. Класс умирал со смеху, а учитель не понимал, что происходит: вроде бы ответ был правильным. А на уроке математики Азарий шел к доске походкой историка. И опять смех, за который ему в конце концов попадало. Но педагоги прощали ему многое и сами смеялись, когда он изображал немца-учителя в поставленной гимназистами пьесе «Недоросль» Фонвизина. С немецким акцентом он произносил коронную фразу: «Теперь то я фишу. Уморить хотят репенка».

Дома у Азария была тоже восприимчивая аудитория, состоявшая из четырех братьев и трех сестер. Азарий обожал петь, участвовал в гимназическом хоре, а дома сам дирижировал семейным хором. Вместе с отцом, заядлым театралом, он устраивал домашние представления, сочиняя скетчи и инсценируя юмористические рассказы. Не случайно двое братьев и две сестры тоже стали артистами вслед за Азарием.

Азарий любил поговорить с посетителями, приходившими на прием к его отцу-дантисту, благо кабинет находился в той же большой квартире на Сретенке, где жила многочисленная семья Мессереров. Среди посетителей были армяне, и Азарин в совершенстве овладел армянским акцентом. В 1918 году это пригодилось ему на вступительных экзаменах в Мансуровскую театральную студию, руководимую Вахтанговым. На первом туре нужно было прочитать басню, и Азарий декламировал крыловскую «Ворону и Лисицу» так, как будто армянский мальчик отвечает в классе урок. Александр Мессерер, младший брат Азария, рассказывал мне, что, когда Азарий читал эту басню с армянским акцентом, у него буквально скулы начинали болеть от смеха. Присутствовавшие на экзамене, видимо, тоже испытали подобное ощущение.

Азария пропустили на второй тур «ради исключения». На второй тур пришел сам Вахтангов, и член жюри Ксения Котлубай предупредила его, что юноша талантливый, но у него сильный армянский акцент. Но тут Азарий стал читать «Тройку» из «Мертвых душ» любимого им Гоголя. Декламировал он так ярко и с такой прекрасной дикцией, что Евгений Багратионович с удивлением посмотрел на Котлубай: «А где же акцент?»

Потом он попросил Азария снова прочитать «Ворону и Лисицу» и от души смеялся. А затем задал ему этюд, связанный с чаепитием. Азарий долго раздувал воображаемым сапогом самовар, который никак не разгорался, а потом стал заразительно кашлять, так что зрителям показалось, что вся комната наполнилась дымом.

Он был принят в студию, и Вахтангов сразу стал давать ему серьезные роли. Вахтангов же и предложил Азарию сменить фамилию Мес-

Роли Азарина в театре

серер на более «театральную», как он считал, Азарин. Евгений Багратионович любил объяснять студентам, что на театре каждая фамилия должна звучать так ясно, чтобы при пожаре никто бы ее не спутал. При этом он напоминал, что знаменитый актер Остужев на самом деле был Пожаровым; зрители восторженно выкрикивали его фамилию, когда он выходил на поклон, что вызывало панику.

Мансуровская студия просуществовала во время Гражданской войны недолго. Вот что вспоминает народный артист Борис Захава, по-дружившийся тогда с Азариним:

«В 1918 году в Мансуровской студии начались внутренние нелады, разногласия, и в коллективе произошел раскол. Вахтангов переживал очень мучительно, безуспешно стараясь примирить враждовавшие группы. Его положение и образ действий в шутку сравнивали тогда с положением и поступками царя Федора в известной трагедии А. К. Толстого. И вот на одном из студийных „капустников“ была поставлена сцена из „Царя Федора“, в которой текст был остроумно переработан в соответствии с событиями студенческой жизни. В этой шуточной постановке Азарин играл царя Федора, удивительно ярко имитируя И. М. Москвина в этой роли».

Актерская удача сопутствовала Азарину с самого начала его карьеры. Весной 1919 года Вахтангов со Станиславским распределяли

роли для нового спектакля во МХАТе. Это была инсценировка Михаила Чехова «Сказки об Иване-дураке» Л. Толстого. Особенно трудно было подобрать актера для характерной роли отца Ивана. Вахтангов заметил: «Есть у меня в Мансуровской студии один юноша, который может сыграть эту роль, но мне он самому нужен». Станиславский попросил Вахтангова уступить Второй студии МХАТа этого юношу, и Азарин успешно прошел пробу на роль старика. Во время пробы он спел народную песенку, которую знал: «Сеяли, сеяли во поле рожь, / Выросла, выросла лебеда/ Не беда, коль во ржи лебеда, /А беда, коль ни ржи, ни лебеды...»

На премьере этой пьесы во Второй студии МХАТа спектакль начинался как раз с той сцены, когда лукавый отец трех братьев сидит на лавке перед домом и распевает эту песню. Ставился спектакль, как это бывало во МХАТе, целых два года. За это время скоропостижно умер Вахтангов и заканчивал постановку сам Станиславский. Таким образом, Азарину посчастливилось работать над одной ролью с двумя гигантами русского театра. Он тщательно записывал в дневнике замечания своих мэтров, а также пытался для себя сравнивать их методы и особенности творчества. Он писал:

«Толстой у меня ассоциируется со Станиславским. Упорный реалист, как и Константин Сергеевич, с земным здравым смыслом, с громадной фантазией, но тоже земной, правдоподобной, не терпящей никакого усиления в сторону „театральности“. Мне кажется, что Станиславский на театре равен Толстому в литературе. А Вахтангова я бы сравнил с Пушкиным. Если Станиславский — великая „проза“, то Вахтангов — „поэт театра“...»

Повезло Азарину с этим спектаклем еще и потому, что в нем играли два молодых актера, ставшие до конца жизни его закадычными друзьями. Это были Николай Хмелев и Марк Прудкин, которых он ласково звал Колюшей и Маркушей.

Азарин перешел во Вторую студию МХАТа после закрытия Мансуровской студии. На сцене Второй студии и самого МХАТа он сыграл множество ролей, помимо отца Ивана. Среди них такие известные, как Кулигин в «Грозе» Островского, Бобчинский в «Ревизоре», Загорецкий в «Горе от Ума», Кот в «Синей Птице» Метерлинка, Лука в «На Дне» Горького.

Казалось бы, он должен быть счастлив перспективой долгой карьеры во МХАТе, где ему предлагали сыграть и роль Лариосика в принятой к постановке пьесе Булгакова «Дни Турбиных». Но, как мы узна-

ли из «Театрального романа» того же Булгакова, атмосферу во МХАТе трудно было назвать здоровой. МХАТ стал, можно сказать, сверх-академическим, погруженным в свое славное прошлое и весьма инертным по отношению к новому.

Затхлая атмосфера МХАТа никак не устраивала актера Михаила Чехова, племянника писателя. Он был полон идей и бурлящей через край энергии, мечтал создать свой авангардный театр, основанный на фундаменте системы Станиславского, которым он восхищался. Недаром он решил назвать свой театр МХАТ-2. Сам Станиславский говорил: «Изучайте (мою) систему по Мише Чехову, все, чему я учу вас, заключено в его творческой индивидуальности. Он — могучий талант, и нет такой задачи, которую он не сумел бы на сцене выполнить».

Михаил Чехов знал хорошо Азарина и по спектаклям, в которых сам играл, и по тем, которые он ставил во МХАТе. Он решил, что ведущим артистом нового театра будет именно Азарин и развернул целенаправленную атаку на него, предлагая ему самые интересные роли в будущих спектаклях. Не только остро характерные роли — в этом амплу Азарий преуспел, но и роли героические. Михаил Чехов считал, что хороший актер должен справиться с любой ролью, недаром он доказал, что может с блеском играть Гамлета, хотя его внешние данные никак не соответствовали традиционному представлению о Принце Датском.

Мечтой Чехова было вслед за Гамлетом сыграть Дон Кихота, и он предложил Азарину роль Санчо Пансо. Азарий неоднократно говорил, что Михаил Чехов — актер номер один в его табели о рангах, и перспектива создания вместе с ним Дон Кихота явилась таким искушением, перед которым он не мог устоять. Они стали вместе обдумывать и репетировать инсценировку великого романа Сервантеса. Азарин написал в своем дневнике множество страниц, посвященных разговорам с Чеховым о будущем спектакле. Вот, например, одна характерная запись:

«Первая репетиция (квартира Чехова).

Глаза Санчо, и как в них отражается внутреннее горение. Санчо преисполнен любви к земле и к людям, хочет жить, любит жить! Роль кончается словами: „Вот это — жизнь!“

Все у Санчо вкусно: голос, жесты, положения, даже злость. Санчо благоговеет перед Дон Кихотом. Санчо — пламенный романтик».

Читая эти строки, я подумал: да ведь Азарин в них нарисовал свой автопортрет.

Решение перейти в МХАТ-2 стало судьбоносным для Азарина: в конечном итоге оно привело его к ранней смерти, но, приняв это решение, он никогда не жалел. В своей автобиографии он писал: «Осенью 1925 года я перешел на работу в МХАТ-2. Работа с Чеховым принесла мне огромную пользу и обогатила меня, главным образом, по линии метода овладения ролью. С МХАТ-2 у меня связаны лучшие и плодотворнейшие годы моей работы».

Он стал верным учеником Чехова, и в этом смысле его можно поставить в один ряд с любимыми нами американскими киноактерами: Гари Купером, Грегори Пеком, Энтони Куином, Юлом Бринером, Клинтон Иствудом... Все они считали, что Михаил Чехов на-

Портрет Михаила Чехова
с автографом Азарину

учил их искусству «овладения ролью». Только в отличие от них, Азарин почти ежедневно в течение ряда лет либо играл на сцене с Чеховым, либо репетировал с ним в театре или у него на квартире, на Арбатской площади, в круглой гостиной.

Нередко они играли вместе в комедиях. Чехов был очень смешлив, и реплики Азарина порой вызывали у него безудержный смех на репетициях, а во время спектакля ему приходилось поворачиваться к кулисе, чтобы сдерживать смех. Об этом мне рассказала вдова Азарина, Валентина Сергеевна Дуленко, в прошлом прима-балерина Харьковского балета. На стене ее гостиной, в том самом доме — «Сверчке», висел большой портрет Михаила Чехова с надписью: «Есть мудрость книжная, есть мудрость от таланта — вот за эту мудрость я тебя люблю, мой Азарич, и благодарю! Твой Михаил Чехов».

Я спросил Валентину Сергеевну, почему Михаил Чехов вдруг бросил свой театр, преданных ему актеров и эмигрировал за границу в 1928 году. Она уклонилась от прямого ответа. В то время Михаила Чехова в официальной прессе считали предателем и антисоветчиком, замалчивали его заслуги и достижения на Западе. Только в последние двадцать лет русские театроведы стали проявлять пристальный интерес к его теориям, его мемуарам и письмам.

Стало известно, что Чехова вынудили уйти из театра, развернув против него разнузданную кампанию в прессе, что цензура запрети-

Луначарский и Азарин после спектакля «Нашествие Наполеона». МХАТ-2

ла премьеру уже поставленного им «Дон Кихота», что его обвиняли в тесных связях с ранее эмигрировавшим Андреем Белым и идеалистами-антропософами. Чехов думал, что он едет за границу подлечиться после сердечного приступа, который случился с ним на сцене во время спектакля, но вскоре до него дошли слухи, что режиссер театра В.Н. Татаринов и несколько других поклонников учения немецкого антропософа Штайнера были арестованы. Связи с ним были прерваны, люди боялись ему писать...

В 1994 году в Москве вышел двухтомник писем Михаила Чехова. Из одного письма мы узнаем, что единственным актером второго МХАТа, продолжавшим с ним переписку в начале 30-х годов, был Азарин, за что Чехов был ему очень благодарен.

За двенадцать лет существования второго МХАТа Азарин сыграл больше двадцати ролей. Трудно поверить, что один актер мог создать столь разнообразные, абсолютно не похожие друг на друга образы. В своем дневнике он записал: «Репетирую две роли: беспризорника и Наполеона. Беспризорник и Наполеон/ Во, какой диапазон!» Роль Наполеона в пьесе Луначарского и Дейча «Нашествие Наполеона» стала одним из главных его достижений.

Интересно, что эта пьеса одновременно шла в двух театрах — Театре Сатиры и МХАТе-2. Она свидетельствовала о коренном различии в направлениях двух театров. В первом, идеологически партийном, просто разоблачали и высмеивали Наполеона, во втором — перед зрителем предстал сложный человек, благородный романтик и вместе с тем властный диктатор. Как видим, и после ухода из театра Михаила Чехова его традиции во Втором МХАТе сохранялись, несмотря на окрики критиков из печально известной Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), насаждавшей пресловутый «социалистический реализм».

Несомненно, авторы пьесы отдали предпочтение постановке МХАТа-2. А. Дейч писал в мемуарной книге «Голос Памяти»: «Анатолий Васильевич (Луначарский) считал, что лучшего исполнителя На-

полеона нам и не нужно. Он и внешне и внутренне подходит нашему Наполеону... Игра Азарина была легкой, свободной, искрящейся пузырьками шампанского. Реплики, которые он бросал своим партнерам, рождались тут же по ходу действия. Трудно было поверить, что он произносит готовый, заученный текст». А знаменитый критик Ю. Юзовский, противостоявший рапповцам, написал, что Азарин «вправе сказать по поводу своей роли: „Спектакль — это я“».

Те же слова можно отнести и к заглавной роли Азарина в пьесе А. Н. Афиногенова «Чудак», имевшей невероятный успех. На премьере занавес открывался двадцать пять раз, и критики восторженно писали об игре Азарина. Успех объяснялся тем, что впервые в советском театре артисту удалось показать так называемого «положительного» героя без ходульных штампов и плакатных реплик, а просто как искреннего и на редкость обаятельного человека. Более того, этот герой был интеллигентом, боровшимся за свои светлые идеи против бюрократов, включавших даже некоторых партийцев и антисемитов (Афиногенов впервые осмелился затронуть скользкую тему антисемитизма). Автор пьесы, поздравляя Азарина с четырехсотым исполнением «Чудака», писал: «Дорогой Азарич! Любовь наполняет жизнь и сердце. От любви человек расцветает во всю силу заложенных в нем возможностей! Вот почему я люблю тебя!»

«Чудак» был поставлен в 1929 году, а уже через несколько лет показывать подобных чудаков, посмеявших перечить партийным руководителям, стало невозможно. Наступали жестокие будни сталинских пятилеток и «чисток»; театры, которые не могли или не желали подстроиться под вкусы идеологов сталинизма, неминуемо должны были погибнуть. В прессе все чаще стали появляться статьи, в которых МХАТу-2 вменяли старые грехи: дескать, театр, как и во времена Михаила Чехова, проповедует идеализм, герои его спектаклей гибнут в столкновении с обществом. Из этих статей выходило, что классические трагедии вообще ставить опасно, ибо в них и в самом деле герои гибли, отвергнутые толпой, а пьесы советских драматургов становились все более беззубыми.

Театр был закрыт в 1936 году в самом начале «Большого террора». О подоплеке его закрытия пишет советский дипломат Александр Бармин, который бежал за границу после того, как узнал, что ему грозит неминуемый арест и показательный суд за связи с оппозиционерами. В книге *One Who Survived*, изданной в 1946 году в Америке, Бармин утверждает, что поводом стала история вокруг спектакля «Мольба о Жизни» французского драматурга Жака Дювала. Действительно, это был последний спектакль театра, поставленный в конце 1935 года.

Между прочим, в спектакле участвовал юный актер Юрий Любимов, чье творчество в театре на Таганке перекликалось с идеями, которые он воспринял в молодости во МХАТе-2.

Жак Дюваль приехал на премьеру. В его честь был устроен прием, на котором зашел разговор о том, почему театр не выезжает на гастроли за границу. По слухам, главный режиссер театра Иван Берсенев просил Дюваля поднять этот вопрос во время его предстоящих встреч с партийными руководителями. Было ли это на самом деле, никто не знает, но какой-то стукач настроил донос, и слух дошел до самого Сталина. Он дал указание перевести театр в провинцию, а если артисты не захотят добровольно уехать, пусть находят себе работу в других театрах.

Для Азарина закрытие театра стало личной трагедией, хотя внешне он пытался бодриться. Лишь в одном воспоминании я нашел упоминание об этом. Софья Гиацинтова писала:

«...Я жалею, что я не художник. Я нарисовала бы его глаза — блестящие, веселые и добрые, редкие глаза, которые несли радость зрителям и актерам, заглядывавшим в них. Видела я эти глаза и печальными, грустно-изумленными, когда закрыли театр, которому он был бесконечно предан...»

Азарин пытался утопить горечь утраты в работе, совершенно не жалея себя. К тому времени он уже был знаменит, одним из первых получил звание «Заслуженного артиста РСФСР», и работу найти ему

Азарин (Левша) и Бирман (Мери).
«Блоха». МХАТ-2

было нетрудно. Он совмещал актерскую деятельность в Малом театре, где особенно успешно сыграл Аркашку Счастливецва в пьесе Островского «Лес», на радио и в концертах, с работой режиссера. Азарин поставил спектакли в нескольких театрах: в ЦТКА, Малом, в театре имени Ермоловой. Его постановки в театре Ермоловой были настолько успешными, что ему предложили занять пост главного режиссе-

ра, и 15 марта 1937 года, после мучительных колебаний он принимает это предложение. Дело в том, что дирекция Малого театра была против такого совместительства, и ему пришлось уйти из этого Академического театра, где его очень ценили и как актера, и как режиссера.

Сестры Азарина:
Суламифь, Елизавета и Рахиль

О том, как внимательно он относился к актерам и их проблемам, свидетельствует один случай, рассказанный артистом В. П. Лекаревым сестре Азарина Елизавете Мессерер, которая в течение многих лет работала с ним в театре Ермоловой. На одной из первых репетиций новой постановки Азарин спросил Лекарева, когда он собирается начать поиски грима. Лекарев ответил, что сможет посвятить этому выходной день. Он был поражен, когда в гримерную пустого, затемненного театра неожиданно вошел главный режиссер. В тот выходной день они вместе провели много часов с Азариним, пока не нашли удачный грим.

Азарин также начинает сниматься в кино. В конце лета 1937 года он был приглашен пройти пробу на роль Ленина в фильме «Ленин в Октябре». Эту пробу он прошел очень успешно. Ведь ему не привыкать было создавать образ диктатора. После Наполеона, почему не Ленин, тем более, что он мог в точности копировать речь и манеры советского вождя. На начало осени была назначена вторая проба. Во время интервью с Михаилом Роммом в 1965 году, я спросил, каковы были шансы Азарина на получение этой роли. Он сказал, что окончательно решено было взять на эту роль Бориса Щукина уже после скоростижной смерти Азарина.

Тяжелая психологическая травма, нанесенная ему закрытием МХАТа-2 была усугублена арестами многих его товарищей и Михаила Плисецкого, мужа сестры Рахили, которого он очень любил. Бешеный темп работы едва ли мог притупить боль от потери друзей и родных. Азарин никогда не жаловался на здоровье, с юности занимался спортом, и в семье считали его самым «прочным». Поэтому сердечный приступ застал его врасплох. Дома даже не было нужных лекарств. Случилось это ночью 30 сентября 1937 года. Асаф бросился в дежур-

ную аптеку, но там нитроглицерин отказались отпустить без рецепта. Диспетчер скорой помощи заявил, что, по описаниям симптомов, надо вызывать неотложку. А неотложка все не появлялась. Жена спросила у него, который час, и Азарий ответил: «Без четверти шесть», но было только четверть шестого. Это были его последние слова. Когда, наконец, явилась неотложная помощь, было уже поздно. Врач зафиксировал время смерти — без четверти шесть.

Он умер на сорок первом году жизни, а мог бы жить, как его братья и сестры еще полвека. Умер на пороге такой же славы, которая выпала на долю его партнеров и друзей Гиацинтовой, Бирман, Завадского, Захавы, оставивших добрые воспоминания о нем. Фактически он стал еще одной жертвой Большого террора, уничтожавшего в СССР и счастливых, и несчастных. Азарин, так блестяще игравший Счастливецца, записал в своем дневнике: «Еще Сократ сказал, что счастлив тот, кто занимается любимым делом. Я счастлив, потому что занимаюсь любимым делом...».

Юрий Завадский начинал свою карьеру вместе с Азариным в Мансуровской студии: «Казалось, что из его глаз, когда вы на него смотрите, на вас как бы устремлен луч золотого, радостного света, а по всей его фигуре вы ощущаете непрестанную готовность к творчеству, к веселью, к утверждению», — писал он в своих воспоминаниях.

Став художественным руководителем, Завадский пригласил как-то Азарина к себе в театр. Он и его актеры стали просить гостя показать диалог Немировича-Данченко и Станиславского. Азарий как сидел в кресле, так незаметно и превратился в Немировича. Пощипывая воображаемую бородку, он посмотрел на стену, на которой висел портрет Станиславского, и деликатно-язвительно произнес: «Что-то не все портреты тут висят...» Наступила неловкая пауза. А через час после ухода Азарина рядом с портретом Станиславского появился портрет Немировича-Данченко.

МАТТАНИЙ И НАУМ МЕССЕРЕРЫ-АЗАРИНЫ

Мой дед, Михаил Борисович, большой знаток библии, дал всем своим детям библейские имена, с которыми нелегко было жить в России. Тем не менее, многие сохранили их. Маттаний в буквальном переводе значит «дар Божий». И Бог в самом деле наградил его исключительными способностями. Родился он в 1899 году.

Дед, пораженный окружающими своими всесторонними знаниями, решил, что у Маттания есть способности к точным наукам и отправил его во Франкфурт к брату Борису, преподававшему математику в гимназии. Маттаний учился там отлично и овладел немецким языком настолько, что писал стихи по-немецки.

Возвратившись в Россию, он до революции успел закончить Коммерческое училище в Москве и поступил в Томский университет, куда еврею поступить было легче, чем в другие университеты. Он путешествовал по Дальнему Востоку, был в Китае, в Манчжурии. Гражданская война застала его в Сибири и затянула в свою пучину. Воевал он на стороне красных и попал в плен к колчаковцам. Те готовились к очередному наступлению красных, а с пленными в критической ситуации поступали однозначно: их расстреливали. Конвоир привёл его в походную комендатуру, где в комнате на втором этаже посадил у стены, но не связал. И вот, сидит Маттаний в ожидании своей участи. Вдруг из соседней комнаты вываливается группа ожесточенно спорящих о чем-то солдат. Спор переходит в потасовку, за которой с интересом наблюдает конвоир. Улучив момент, Маттаний выскальзывает из комнаты, спускается вниз и, подойдя к часовым на дверях, небрежно просит у них закурить. Обменявшись с ними парой слов, он не спеша выходит из ворот и, только завернув за угол, бросается опретью.

Его спрятали подпольщики. Когда ему выдавали удостоверение, он изменил фамилию, став Азариным, в честь своего старшего брата Азария.

Рахиль, Азарий
и Маттаний с их мамой
Симой Мессерер
и маленьким Асафом

Поразительное совпадение: Азарий, по совету Вахтангова, в студии которого он учился в то время, взял себе ту же фамилию Азарин, якобы, больше подходившую для театра. К концу Гражданской войны, несмотря на молодость, Маттания назначают сначала ответственным секретарем хабаровской газеты, а затем и председателем хабаровского горкома партии.

Но партийная работа его быстро разочаровала, и он вернулся в Москву, чтобы поступить в Институт красной профессуры. После окончания этого института он защищает диссертацию и становится профессором экономики. О его работе и научных трудах мне с большим уважением рассказывал его коллега, известный профессор Павел Маслов. Он считал, что Маттаний был даровитым ученым. Увы, его работа в науке была внезапно прервана арестом. В эпоху так называемого «Большого террора» в Гулаг в первую очередь попадали наиболее талантливые специалисты, а также люди, прославившиеся во время Гражданской войны.

Повод для ареста чекисты находили легко: например, сам факт учебы в немецкой гимназии вполне мог послужить уликой для того, чтоб объявить Маттания немецким шпионом. Однако они воспользовались еще более смехотворным поводом. В распоряжении чекистов оказался донос, написанный бывшей женой Маттания. Донос этот был подшит к делу Маттания, которое спустя много лет прочитал в КГБ его младший брат Александр (во время перестройки родственникам реабилитированных предоставляли такую возможность). Решив отомстить Маттанию после развода, она писала, что Маттаний соблюдает еврейские праздники и даже во главе стола читает библию во время еврейской пасхи. Такое обвинение наказуемо было сроком в пять лет, которые Маттаний провел сначала в тюрьме, где его пытали, а затем в Гулаге, из которого убежать было куда труднее, чем от колчаковцев...

Как и у других братьев и сестер Мессерер, у Маттания, был, что называется, «артистический ген»: он любил театр, писал пьесы, и его литературный талант пригодился даже в Гулаге. Вместе с другим зэком, актером Алексеем Диким (будущим народным артистом, игравшим, в частности, роль Сталина в нескольких фильмах), он поставил что-то вроде капустника, где зэки распевали частушки на лагерные темы.

К несчастью, он попал в немилость к начальству. Один зэк пожаловался Маттанию, что главная «вертухайка», а может быть жена вертухая, домогалась его любви и изнуряла его постоянными требованиями удовлетворять её похоть. Он попросил Маттания написать за него жалобу. Поскольку начальство знало, что этот зэк был неграмотным, подозрение пало на автора частушек. Маттания отослали на изнурительные лесоповальные работы в тайгу.

Его младшему брату Александру, приехавшему в лагерь, расположенный в Соликамске, сообщили, что свидание с Маттанием невозможно, а посылку можно сбросить только с самолета. Посылка была большая, и ему предложили разделить её на две части. Александр аккуратно разделил её пополам, включая пару валенок, столь необходимую в тайге. Увы, первая посылка была сброшена осенью, а вторая — только весной, так что Маттанию пришлось проходить всю зиму в одном валенке.

Он отсидел в лагере пять лет, срок по тем временам незначительный, но вернулся с подорванным здоровьем (заразился туберкулезом), без права жить в Москве и работать по специальности. В Москву он приезжал, поскольку нашел людей, знавших о его научных и журналистских способностях и готовых использовать его как литературного негра — писать за них диссертации и книги. Он написал несколько книг, «авторами» которых стали видные ученые, например, академик Зелинский. Моя мама была хорошим редактором, и Маттаний ей первой показывал свои опусы. Тайные приходы Маттания к маме мне врезались в память как яркое детское впечатление. Мы жили в большой коммунальной квартире, с множеством соседей. Наша комната была напротив входа в квартиру. Слыша шаги Маттания на лестнице, мама открывала обе двери, и Маттаний быстро проходил в нашу комнату. При этом мама бросала взгляд в коридор — направо и налево, чтобы убедиться, что соседи ничего не видели. О том, что его намеревались арестовать вторично, узнал Александр Мессерер через много лет, во время перестройки. Он свидетельствует:

«В деле Маттания, которое я читал, был запечатанный конверт. Раскрывать его не полагалось, но я вскрыл и потом опять запечатал. Там оказался документ 1950 года, из которого следовало, что Маттания опять хотели арестовать во время кампании по „борьбе с космополитами“. Письмо за подписью полковника милиции запрашивало у главного врача поликлиники, в которой лечился Маттаний, подробные сведения о состоянии его здоровья. При этом указывалось, что письмо надо вернуть. Главный врач на обороте этого письма описал все болезни Маттания. Из описания врача следовало, что состояние здоровья Маттания было угрожающим. По-видимому, после этого решили его не трогать».

Реабилитирован он был только в 1956 году, после XX съезда, на котором Хрущёв разоблачил преступления Сталина. Ему дали комнату в центре Москвы, на Пятницкой улице, и даже вернули профессорское звание. Дали персональную пенсию, но Маттаний уже не мог радо-

Маттаний Мессерер-Азарин

ваться вновь обретенной нормальной жизнью. Он умер от инфаркта спустя год, в 1957 году. После него остались вдова Рахиль Наумовна и сын Наум, а также дочь Суламифь от первого брака. Через многие годы в Израиле я узнал, что вторая жена Маттания была его двоюродной сестрой.

Рахиль Наумовна была прекрасным врачом-терапевтом, и всё наше семейство нередко обращалось к ней за советом. Больше всего она дружила со своей тёзкой, Рахиль Михайловной, сестрой Маттания. Обе Рахили, несмотря на тяжелейшие испытания, дожили до 90 лет. Я помню, как они вполголоса грустно беседовали, видимо, вспоми-

ная те страшные години, когда они потеряли мужей и близких...

Рахиль Наумовна замуж больше не вышла, и вся ее любовь, все заботы обращены были к её единственному сыну Науму, который также любил ее нежно. Они всегда жили вместе. Наум, или Нома, как мы все его звали, унаследовал от отца способности к литературе, тонкий юмор и обаяние, а семейная традиция побудила его пойти в балет. В балетном училище Большого театра, по свидетельству балерины Киры Гузиковой, он был душой класса: «его особенно любили за остроумие, умение шуткой поднять настроение после изнурительных репетиций. На переменах, если раздавался смех, мы знали—это Нома смешит друзей». Он был небольшого роста и знал, что вряд ли ему дадут роли принцев и героев, поэтому рано проявил себя как прекрасный характерный танцовщик. Например, на выпускном концерте он отлично исполнил трудную роль шута в Лебедином озере.

Однако в Большой театр его не взяли, что, наверное, было и к лучшему, так как в театре Станиславского Науму предоставили больше возможностей: он с успехом исполнял многие партии и рано начал давать классы. Кумиром Номы был его дядя Асаф Мессерер, примеру которого он следовал и в танце, и в педагогике.

Одновременно с работой в театре Наум учился в ГИТИСе на балетмейстерском факультете. Я храню копию его дипломной работы. Она посвящена артистической и педагогической деятельности Асафа Мессерера. Даже в этом серьезном исследовании я нашёл юмор. Например, описывая невероятную технику Асафа и новые па, изобретённые им, Наум рассказывает о прыжке «Иване Емельяновиче», как в шутку

называли его артисты: «История столь экстравагантного названия такова. Иван Емельянович Сидоров (в прошлом танцор, ставший затем педагогом—А.М.) в беседах с балетной молодежью любил немного прихвастнуть, рассказывая, какой сверхъестественный прыжок был у него в давние годы. Дескать, выполняет он *jete en avant*—прыжок вперед, вдруг его сзади окликают, он развёртывается в прыжке и прилетает обратно на то же место, откуда оттолкнулся. По этому поводу часто смеялись. Однажды Асаф Мессерер попросил товарищей позвать его в тот момент, когда он будет делать перекидное *jete*. В ответ на зов он, находясь спиной к присутствующим, повернулся в воздухе на 180 градусов и приземлился к ним лицом. В шутку новому движению дали название „Иван Емельянович“».

В своих мастер-классах, которые он давал не только в России, но и в США, Китае, Японии, других странах, Наум бережно сохранил и развил идеи Асафа. У Наума занимались крупнейшие артисты XX века, в том числе, Барышников и Нуреев, высоко ценившие его как педагога. Наума называли «золотых дел мастером». Дело в том, что он подготовил целую плеяду танцоров к международным конкурсам, на которых они неизменно завоевывали золотые медали.

Несколько лет назад в Англии вышел журнал *Dance Now* с большой статьёй под названием «Династия». В ней говорится о вкладе балетмейстеров из семьи Мессереров-Плисецких в развитие балетов и балетных школ России, Англии, Франции и Кубы. Автор статьи взял интервью у двух блистательных учеников Наума. У Ирека Мухамедова, премьера Лондонского Королевского балета, и Владимира Малахова, премьера АВТ (Американского балетного театра). Обоих он открыл, дав им путевку в большое искусство.

В статье цитируется отрывок из книги Джеффри Тейлора об Иреке Мухамедове. В 1981 году, готовя Мухамедова к Международному балетному конкурсу в Москве, «Наум брал его в свою квартиру, где показывал ему видео с выступлениями Нуреева на Западе и требовал, чтобы он внимательно следил за тем, как его соотечественник-татарин (Нуреев был башкиром—А.М.) в каждом движении раскрывал характер и настроение героя. Эти просмотры были тайными, обычно за занавешенными окнами, потому что Нуреев считался „предателем Родины“. Важно отметить, что Мухамедов особенно ценил манеру преподавания Наума—мягкую и вместе с тем очень требовательную. Он никогда не повышал голос, но также никогда не сдавался, пока не добивался поставленной задачи».

Я узнал об огромном упорстве и невероятной выдержке Наума, когда он провел 8 месяцев 1988–89 годов у меня дома в небольшой

Наум Мессерер (справа) и Михаил Барышников после мастер-класса в Американском балетном театре. 1989 г.

бруклинской квартире, которую мы снимали сразу после эмиграции в Америку. Увы, это было время страшного испытания для Номы. Он приехал в Америку лечиться, а болезнь у него была очень тяжелая — нефрит. Обе почки у него отказали, и он мог существовать только с помощью диализа. Наш американский родственник, видный юрист Стэнли Плезент, сумел устроить Наума в лучшую больницу, куда

его приняли как «наиболее ценного» для Америки иностранца. В этой формулировке была большая доля правды. Несмотря на тяжелую болезнь, Наум давал классы в Американском балетном театре (АБТ), и у него постоянно занимался Михаил Барышников, в то время художественный руководитель АБТ.

Больница «Сент-Люкс» находилась на другом конце Нью-Йорка, в верхнем Манхэттене. Через день я возил Ному на диализ, и каждая поездка туда и обратно занимала более 2 часов. Он видел, что мне трудно было совмещать эти поездки с работой, и предложил дать ему машину. Сначала я не поверил, что он сумеет ориентироваться в незнакомом городе, переносить пробки Манхэттена, а, главное, я был свидетелем, как он страдал перед диализом и как в течение нескольких часов отходил после процедуры. Однако решили попробовать. Несколько раз ездили вместе: он вел машину, а я указывал ему дорогу. Я увидел, что Нома прекрасно справляется, после чего он стал ездить один. Медсестры-филлипинки, полюбившие Наума, восхищавшиеся его мужеством и обаянием, сообщали мне по телефону, как прошел очередной сеанс диализа. Наум уезжал утром, проводил в больнице 5–6 часов, а потом чувствовал себя достаточно крепко, чтобы вести машину домой. В России родственники не понимали, как это возможно, но Нома им рассказал, что некоторые американцы работают даже шоферами грузовиков, перевозя грузы с восточного побережья на западное, с остановками в больницах для диализа. Не знаю, где он об этом прочитал, но в Москве ему поверили.

Классы он давал тоже три раза в неделю — на следующий день после диализа, добираясь до Манхэттена на метро. В то время вагоны метро были с плохими рессорами, и от тряски у него начинались сильные боли, но Нома никогда не жаловался. Я понимал, как ему больно

только по мучительной улыбке, с которой он отвечал на мои вопросы. За три часа уроков зарабатывал он неплохо, но все эти деньги шли на оплату диализа, каждый сеанс которого стоил больше 200 долларов.

Через некоторое время врачи нашли у него порок сердца и заявили, что необходима срочная операция — в противном случае он может умереть во время диализа. Поскольку у него не было страховки, на операцию нужны были огромные деньги. Мне пришлось поставить свою подпись гаранта, и спустя месяц стали приходить баснословные счета. О деньгах мы тогда не думали, — такой суммы, как говорится, не только не было, но и не предвиделось. Главное — операция прошла хорошо, и Наум почувствовал себя гораздо лучше, когда прошел мучительный послеоперационный период. Более того, врачи сказали, что теперь его сердце выдержит самую важную для него операцию по пересадке почки, но для этого нужно было ждать не меньше года. В то время существовала длинная очередь американцев, ожидавших поступления драгоценной почки, чаще всего от людей, умерших в результате катастрофы и согласившихся в своем завещании пожертвовать органы.

Поразительно, но в день после диализа Нома чаще всего пребывал в хорошем настроении, с энтузиазмом рассказывал об очередном классе. То и дело приходили к нему знаменитости, не говоря уже о Барышникове, который не пропускал ни одного класса. Бывал в его классе и Нуреев. Нома обладал даром имитировать речь и повадки людей. Помню, как он изображал Нуреева, который в то время был не в лучшей форме — ему было далеко за сорок. Когда Нома делал ему замечания, тот похлопывал его по плечу, говоря: «Голубчик, мне уже поздно». Любимыми фильмами Номы были «Крестный Отец» и «Однажды в Америке». Он очень похоже изображал голос и манеры Брандо и Де Ниро.

Наум обожал играть на рояле, прекрасно подбирая популярные мелодии. Когда я занимался, он внимательно слушал, а потом подначивал: «Что, слабо тебе выучить Патетическую сонату Бетховена?» Эта соната была его любимой, так же, как и этюд Скрябина № 12, на который Асаф когда-то поставил номер героического характера. В то время я говорил, что мне это не по силам. На что Нома заявлял, что на моем месте он обязательно бы выучил и нечего бояться трудностей. Надо сказать, что спустя многие годы я и в самом деле выучил эти произведения и, играя их в концертах, мысленно посвящал исполнение памяти Номы.

Зимой 1989 года Нома стал очень скучать по маме, жене и московским друзьям, говорил также, что не хочет быть нам в тягость. Он

узнал, что у него есть приглашение в Японию, где его хорошо знали и где диализ делали не хуже, чем в Америке. Перед Японией он мог бы провести некоторое время в Москве с близкими. Ведь как-никак там тоже были диализные аппараты, к тому же бесплатные. Как я его ни отговаривал, он засобирился домой и стал покупать многочисленные подарки. Тогда самолёты Аэрофлота возвращались в Москву, набитые всевозможной «техникой» — телевизорами, фотоаппаратами, магнитофонами, персональными компьютерами... Таможенники знали повадки русских и нещадно штрафовали за превышение веса. Многие пытались протащить какие-то дефициты в ручной клади. Их не пропускали, и в длиннейшей очереди все время раздавались возмущенные голоса и даже плач. Нома нёс в руках электронную клавиатуру — «борд», и медленно двигался в очереди на посадку. Я попросил молодого американца помочь ему нести сумки и, стоя за барбером, переговаривался с ним знаками. Как и он, я заботился тогда только о том, пропустят его к самолету или нет. Это сейчас я с грустью думаю о бренности нашего существования, ведь в те моменты я должен был понимать, что могу его уже никогда не увидеть. Нома проходил один кордон за другим и каждый раз оборачивался ко мне, радостно улыбаясь. Вот, наконец, ему надо было пройти к самолету, и он помахал мне рукой. В последний раз...

При первом же сеансе диализа в Москве, который там делали топорно, даром что бесплатно, его сердце не выдержало. Смерть Номы была воспринята как шок не только родными, но и врачами, и сестрами больницы «Сэнт-Люкс», где он лечился. Воспользовавшись какой-то статьёй американского законодательства, врачи отменили те самые «баснословные» счета за операцию, которые продолжали приходиться мне по почте. Деньги — что, все усилия прекрасных американских врачей пошли прахом. Ему было 54 года. В Америке про таких говорят: «еще молодой человек». Увы, в России как раз в этом возрасте мужчины часто умирают.

О Науме вспоминают и родственники, и многочисленные его ученики, и друзья. Вспоминают его, видимо, как он того хотел, — с улыбкой.

«МАМА РА» — РАХИЛЬ МЕССЕРЕР

«Жив образ женственной Рахили»

Валерий Брюсов

Она снималась в кино под именем Ра Мессерер. В семье ее тоже часто называли Ра, так что я услышал это имя задолго до того, как узнал о древнеегипетском Боге Солнца. Для всех родственников она и в самом деле была солнцем в окошке, излучавшим доброту и мудрость.

Родилась Рахиль 4 марта 1902 года в Вильне, крупнейшем в то время центре еврейской культуры. Евреи в тот год составляли 51 процент его населения. Но Рахиль не могла помнить Вильню (сегодняшний Вильнюс), потому что семья переехала в Москву, когда ей было два года. Со слов матери она рассказывала, что среди ее предков по материнской линии были виленские цадики, то есть, мудрецы-праведники. Поскольку фамилия ее матери была Шабад, возможно, она имела в виду, в частности, Цемаха Шабада (1864–1935), врача и круп-

Семья Мессерер. Слева направо сидят: Александр, Сима Моисеевна (мать), Михаил Борисович (отец), Рахиль и Елизавета.

Стоят: Эммануил (мой отец), Азарий, Асаф, Маттаний и Суламифь

ного общественного деятеля Вильны. У него не раз останавливался в молодости Корней Иванович Чуковский, описавший в дневниках трогательную сцену: девочка принесла Шабату свою кошку с поврежденным глазом, и доктор ее вылечил. Сегодня недалеко от Старого города стоит бронзовый памятник: мужчина в пальто и шляпе, а рядом девочка с кошкой в руках. Надпись на памятнике гласит: «Гражданину города Вильнюса, доктору Цемаху Шабату, прототипу доброго доктора Айболита». Как жаль, что я не спросил об их дружбе самого Чуковского, когда мне посчастливилось его интервьюировать в конце 60-х годов в Переделкино.

По-видимому, Рахиль проявляла большие способности в детстве, потому что ее, несмотря на процентные нормы для евреев, приняли в одну из престижных московских гимназий, которую основала княгиня Львова. Директором гимназии была княжна Львова, так что про гимназисток говорили, что они «учатся у княгини и княжны». Больше всего юная Рахиль любила уроки музыки — она пела в гимназическом хоре — и русского языка. Преподавал русский язык бывший народник, сидевший некоторое время в тюрьме за революционную деятельность. Он ставил ей только отлично по грамматике и дикции. За всю свою жизнь я встретил немного людей, вполне правильно говоривших по-русски. Почти все они учились до революции в гимназиях, и Рахиль была в их числе.

Увы, звуковое кино изобрели уже после того, как закончилась кинематографическая карьера Рахили. Многие актрисы тогда вынуждены были уйти из кино из-за плохой дикции, но Рахили это никак не грозило — она могла бы прекрасно озвучивать фильмы.

Учеба в гимназии была прервана во время революции. Наступили голодные, холодные годы, и Рахиль очень рано стала помогать матери заботиться о младших сестрах и братьях. Вот что писала в своих дневниках младшая сестра Рахили Елизавета, ставшая драматической актрисой:

«В нашей семье Ра пользовалась большим авторитетом как старшая сестра и главная помощница мамы. Помню, что, когда я была маленькой, она меня причёсывала, водила гулять, а в гостях, прежде чем попросить что-нибудь, я всегда смотрела на неё и ждала, кивнёт она головой или нет. После ранней смерти мамы она фактически стала матерью для младшего брата Александра, которому в то время было только 13 лет, а Рахили — 27». *(Александр, которого мы считали «последним из мозикан», умер в 2015-м году в возрасте 99 лет, когда его близнецы-правнуки заканчивали университет).*

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
-----------	---

Глава первая. Мессереры

«Мудрость от таланта» — Азарий Мессерер-Азарин	9
Маттаний и Наум Мессереры-Азарины	21
«Мама Ра» — Рахиль Мессерер	29
Исторические гастролы Асафа и Суламифи Мессереров	45
Поклон Майе	58
Борис Мессерер. Смелость и независимость художника	69
Азарий Плисецкий — артист без границ	85
Михаил Мессерер: жизнь как триллер	106

Глава вторая. Люди-легенды в моей жизни

Героиня Мария Гильмовская	119
Незабываемая встреча с Тимофеевым-Ресовским	131
Король на день и его потомки	141
Ааронсон — ученый, сионист, шпион	150
Сохранить голоса прошлого	166
Памяти истинного интеллигента	177
Стэнли Плезент — представитель великого поколения	183
И один в поле воин... Петр Патрушев	188
Письма моей мамы	194

Глава третья. Встречи в театре и кино

Как я снимался в кино	203
Пол Скофилд. Подарок для великого актера	212
Две звезды английского театра и кино. Дайана Ригг и Джули Кристи	221
Савелий Крамаров: комедийная маска трагической личности	230

Глава четвертая. Блики прославленных музыкантов

Скандал и слава. Моцарт и Сальери	239
Каролина Эстерхази — муза Шуберга	249
«Любовь и музыка — два крыла одной души». Гектор Берлиоз	259
Безупречно чистый стиль Мендельсона	269
Великий британец Бенджамин Бриттен	278
Белый рояль Ростроповича	289
Освальдо Голихов в компании классиков	296

Глава пятая. Ракурсы писателей и поэтов

Роща за окном Джона Чивера	303
Алистер Кук — американский журналист № 1	312
От двух до пяти. В гостях у Чуковского	320
Клариса Лиспектор — яркая звезда Бразилии	329
Русские корни Сола Беллоу	340
Сиротство и юмор Арта Бухвальда	350
Белла Ахмадулина: «Я не поступалась чистотой слова»	360
Леонид Цыпкин — писатель на все времена	368
Прерванная лекция Иосифа Бродского	376
Божественное «Мизерере» и Сара Мангусо	385
«Сбывшаяся душа» Григория Померанца	393
Иэн Макьюэн. «Сластена». Писатели-разведчики	402
«Новые русские» в новом романе Тома Вулфа	412

Глава шестая. Путевые впечатления

Австралийские заметки	421
По Европе с Риком Стивсом	439
Технион и история Израила: XX век и наши дни	466

Азарий Мессерер
Я РАЗГОВАРИВАЮ С НИМИ
www.azary-messerer.com

«Всегда с радостью читаю эссе Азария Мессерера. Он пишет интересно об интересном. У него легкое перо, живость, открытость, любопытство к жизни, то есть все, что надо для достижения цели. А цель — чтоб написанное читалось. И оно читается на одном дыхании».

Лариса Миллер, поэт

«Автор этой удивительной книги, поражающей разнообразием тем, имен, культур и эпох, — один из моих самых любимых очеркистов, пишущих по-русски. В его рассказах о людях и о себе я более всего ценю благородство мысли и тона — истинную интеллигентность, столь редкую в наше время. Читать их всегда интересно, начнешь — и не оторвешься, пока не прозвучит последняя строка...»

Владимир Фрумкин, писатель и музыковед

«В этой книге поражает огромность охвата тем и личностей — от Моцарта и Мендельсона до Плисецкой и Бродского. Автор встречался с выдающимися личностями нашего времени, и его увлекательные рассказы об этих встречах — замечательный портрет эпохи в стиле импрессионизма. Несомненно, что Азарий Мессерер выступает здесь как достойный продолжатель традиций великих эссеистов мировой литературы — прочитайте эту книгу, если хотите постигнуть тонкости культурной жизни человечества».

Юрий Окунев, писатель

M-GRAPHICS PUBLISHING

www.mgraphics-publishing.com
info@mgraphics-publishing.com

ISBN 978-1-940220-44-4

9 0000 >

9 781940 220444